

ТЕАТР УТВЕРЖДАЮЩИЙ, ТЕАТР ВОИНСТВУЮЩИЙ

Подводить итоги гастролей Рижского театра русской драмы — значит, говорить о многом.

Это многое — барменное исследование традиций отечественного театра и смелое новаторство. Четкость гражданской позиции и выразительность и репертуару. Гармония режиссуры и сценографии, наиболее всего очевидная в сотворчестве главного режиссера Арнадия Иаца и главного художника Татьяны Швец. Широка жанрового диапазона и богатство выразительных средств. Безупречный ансамбль и яркие актерские индивидуальности...

Мы могли оспаривать каноничность в работе коллектива, но то, что мы узнали театр со своим, чрезвычайно привлекательным, лицом, — бесспорно.

Подводя итоги гастролей, невозможно описать каждую черту этого лица — ликующего и негодующего, задумчивого и страдающего, насмешливого и саркастического. Попробуем остановиться на одной, весьма выразительной...

ТЕМА нравственного становления личности, утверждение красоты человеческого духа и деяний, крылатой силы духа в противовес общественной пассивности, бездуховности, расчетливому обывательскому эгоизму — вот лейтмотив репертуара театра.

Рижский театр утверждает положительного героя патетически и романтически, лирически и реалистически, деловито, — используя все краски сценической палитры.

Высшие нравственные ценности несет в себе Сократ Михаил Хиндидзе, живущий в атмосфере откровенной театральности, — прекрасный образ, выходящий из извращенной мысли и жаркой страсти, из беспредельной доброты и негибкой воли. И Груша Райзман, Праудин, упорно идущая тяжкими дорогами братоубийцы навстречу лишениям, опасности, предательству; Груша, спасающая чужого ребенка и совершающая тем извечный великий подвиг материнства — подаяние любви, долготерпения, смелости, самоотречения... И мучивший, страдающий, сражающийся а эмоционально-взрывчатой, пластичности-взвешенной, парадоксальной стилистики мюзикла «Человек из Ламанчи» Марин Лебедева, — неистово соединивший образы великого Сервантеса и его великого героя, воплотивший бессмертную мечту человечества преобразовать мир на счастье людей...

И вот они — преобразующие мир. Революцией мобилизованные и призванные — герои патетически — напористого спектакля «Темп-1929» по пьесам П. Погодина. И впереди — директор строящегося завода Гай (Алексей Михайлов), одержимый, неистовый, не мыслящий жизни вне созидания. Другой герой Михайлова — управляющий трестом Иванов из спектакля «По личным вопросам» по пьесе П. Поповского — живет уже в наши дни, мыслит уже другими техническими и социальными масштабами. Но он — прямой наследник Гая: то же горение, то же нежелание выбирать легкие пути, тот же остро осознанный долг быть нравственным примером для других...

Вот Татьяна Шульга (Алла Полунина) из драмы Л. Зорина «Транзит». Обыкновенная женщина, честно работающая, незатейливо устроившая быт, прячущая от досужих глаз нескладность личной жизни... Но какая цельность натуры, какая нежность и доверчивость сердца! От нее исходит свет огромной силы и чистоты: пусть мы и не поверим, что встреча с Татьяной действительно сделает архитектора Барова, благополучного, пресыщенного, усталого-надежного москвича, однолюбом, но мы можем быть уверены — переоценку нравственных ценностей он произведет.

Юный Янка (Юрий Сафронов) из комедии П. Пугачева «Желанный квартирант» — работящий парень с золотыми руками, рвущийся помочь людям всем, чем может. А может

ГАСТРОЛИ РИЖАН

он все — отделать, как картинку, зашпаклевать квартиру, реставрировать антикварную мебель, приготовить вкусный обед, лучше опытной няньки управиться с балованными детьми...

Волею судеб за три месяца Янка меняет три квартиры. Вначале он желанный квартирант всюду — и у недритязательных Плюриной, и у ультра-современных Грунте, — всем нужны его золотые руки. Но никому из них, оказывается, не нужны его золотое сердце, его юношеская нерасчетливость, его простодушие и прямота: они, как рентгеновские лучи, высвечивают дисциplinу и трудливую душу мешанина.

Спектакль, начавшийся с доброй улыбки, завершается шеметливой нотой. Невеста Янки Клара, так восторженно говорящая о талантах Янки, крикнет грубо: «Вкалывать надо, а не думать!». Янка молча сложит свою раскладушку и тихо уронит в зал вопрос, полный горечи и надежды: «Может, я кому-нибудь нужен? Все-таки?». И стены чужой квартиры, расчерченные планом улиц и площадей большого города, будут как предостережение: не ошибись, Янка, выбери верную дорогу...

РИЖСКИЙ театр — театр страстного утверждения высоких духовных ценностей. Но не менее страстно он отрицает все, что чуждо коммунистическим идеалам, бросая против современного мешанина тяжелую артиллерию отнюдь не «легкого» жанра комедии.

Михаил Ульянов в книге «Моя профессия» напоминает: «...театр — это зрелище. И зрелище прекрасное, но он ведь еще и кафедра». Комедии Рижского театра — яркое зрелище, удивляющее разнообразием сценических решений. Но написание было идеть от них душевного отходникова: смех театра заставляет размышлять, негодовать, страдать. Каждая комедия, все плотнее преследуя тревожащие мысли и чувства, завершается нотой пронзительного, порою трагического звучания...

Театр, провозглашающий со своей сцены — со своей кафедры — высшие нравственные принципы, предупреждает о многогодушии мешанина, об умении равнодушия прятаться под маской отычливости и человеколюбия.

Театр призывает смотреть вглубь человеческого характера, а не на внешние приметы бытия. Театр предостерегает от мнимого обаяния выспренных фраз, жадности и модным зрелищам, фронтальных антистий. Хотя бы в комедии М. Рошина «Старый новый год». Чем, по сути, отличается «интеллектуал» Полупурлов (Родик Гордианко), эффеентно бунтующий против вещей, неадекватно чувствующий канонному русскому, от откровенного наплевательства Сабайкина (Евгений Иванов), разменившего на бараклабочку свою совесть? Ничем: оба — общественно пассивны, оба заняты лишь собою...

Современное мешанство, говорит театр, научилось брать от века технического прогресса все, что ему выгодно: новый автомобиль, современную квартиру, освещающий семейный очаг телевизор... Брать все, отдавая взамен лишь неизбежный минимум — добросовестное, от и до, исполнение служебных обязанностей. Брать, не желая, впрочем, расставаться с имуществом, накопленным прежними поколениями.

Оформление «достоверной комедии» венгерского драматурга К. Сакони «Телевизионные помехи» убийственно наглядно демонстрирует это: гостиную Бодогов освещают ста-

рые вещи, развешенные на латанутих над сценою тросах. Семья Бодогов прочно заключена в эти сети. Единственное окно в огромный бурлящий мир — телевизор, возле которого теснятся Бодогов из вечера в вечер. Жизнь ставит перед людьми острые проблемы — это не касается Бодогов. Раскалывается семья, но краше сознания и психического срыва балластурует неудачница Ванда, тщетно жлет отклик на свой неутолимый интерес к миру и человеку юный Имруш — старшие Бодогов прикованы к телевизору. Время телепередач священо, это — ритуал: ритмы, заполняющие эфир, подчиняют себе движения Бодогов, превращая их в механические, согласно танцующие «под дуку» телевизора, иррушки... Сарказм воинствующей комедии достигает здесь яростного пика, потрясает логику деревского паралока: Бодогов не оторвутся от телевизора, не задумаются о своей бессмысленной жизни, явись к ним, к примеру, сам Христос с полным комплектом библейских чудес...

А если в среде индивидуализма, цинизма, лжи растет ребенок? Что грозит ему, только ли гипертрофированный собственнический — «Зачем лаял? Мо! Мо!» — инстинкт, как у Лизки Себенкиной?

...Высокая конструкция, занимающая центральное место среди декораций «Затюканного апостола» А. Макаенка, — не просто винтовая лестница, столь заманивая для подростка (по ней можно носиться вверх и вниз, на ее площадках можно сидеть с книгой, оборудовать пульт управления моделями самолетов). И это не просто трибуна для Малыша (Юрий Сафронов), вещающего с ее высот о глобальности своих жизненных планов и кдеймашего погрязших в пороке и лжи родителей. Может быть, это символ пути, крутого, но непреклонно возносящегося вверх, выбранного рано попавшим себе цену дундеркином? Или — обозначение достославной спирали, по которой идет развитие человечества, — ведь Малыш так любит твердить о том, что за его плечами — многовековой исторический опыт?

Винтовая лестница оказывается клеткой, в которой, оторгнутый равнодушными и трудными родителями, мечется юный человек с обнаженными нервами, с кровоточащим сердцем. Оказывается катапультой самоубийцы... Малыш, выбросившийся в окно, останется жить, но превратится в тупое животное Емю, воспитанному этой семьей, этой образцово-показательной ясыкой жестокого буржуазного общества, не даю было третьему: он мог или вырасти жестоким диктатором фашистского толка, или пойти на пушечное мясо...

РИЖСКИЙ театр русской драмы наносит массивный удар по мешанству во всех его обличьях. Может быть, натиск этого удара слишком беспощаден?

Нет. Ведь недаром с трибуны XXV съезда КПСС товарищем Л. И. Брежневым сказаны такие мудрые и предостерегающие слова: «Необходимо... чтобы рост материальных возможностей постоянно сопровождался повышением идейно-нравственного и культурного уровня людей. Иначе мы можем получить рецидивы мешанской, мелкобуржуазной психологии. Этого нельзя упускать из виду».

Рижский театр этого из виду не упускает.

Е. ЗЛОТИНА.